

Прохиндиаде не видно конца

Записки последнего сценариста

Анатолий ГРЕБНЕВ

Что еще за «последний»? Уж так прямо и последний — что же, следом как бы никого нет, кончилась профессия?

Это, конечно, не так. Есть и те, кто следом. Но профессия кончается, факт. Есть на свете профессии, которым отмерен срок «от» и «до». Например, паровозный машинист. Мир перешел на электрическую тягу. Профессия паровозного машиниста просуществовала сто лет с небольшим. И была кому-то в радость, и кормила, а кто-то еще стоял рядом и бросал в топку уголь и тоже, можно предположить, бывал счастлив и мечтал о поприще машиниста.

Книга, которую я заканчиваю, отчасти об этом. В ней воспоминания и рассуждения. Читателям «Известий» предлагается одна из завершающих глав.

«Ну и что?»

Вопрос этот преследует все чаще. По поводу прочитанного, услышанного: «Ну и что?» Кого чем сегодня удивишь?

Волшебник — или шарлатан, кто его знает — Ури Геллер остановил часы на Вестминстере. Есть тому, говорят, свидетели. Заснято на пленку. В прошлом веке мир содрогнулся бы от такого известия. Люди сходили бы с ума.

Нынче никто умом не тронулся. Ну, остановил. Или не остановил, какая разница. Мошенник, а может, и впрямь экстрасенс. Ну и что?

Неопознанные летающие объекты, знаменитые НЛО. Впрочем, так ли уж они знамениты? Кто-то, говорят, видел своими глазами. Говорят, посланцы с других планет.

Да одно это — если так — должно бы перевернуть жизнь человечества, нашу с вами жизнь. Посланцы! С других обитаемых планет! А ну как пойдут на нас войной? Расколют наш шарик? Или, напротив, одарят нас своим разумом?

И что-то мы опять-таки не свихнулись от такой мысли. В газетах четыре строчки: мол, было, кто-то видел. Корабль формы сигары. Или тарелки, как уже не раз описано. Так — ну и что?

А вы еще надеетесь чем-то удивить! Что же такое ты должен сочинить в этом мире, пресыщенном новостями и сенсациями, чтобы быть хотя бы услышанным?

Меня уже не раз кидали. А вас?

Сначала меня кинули, как и многих других, в печально знаменитой «Чаре». Юмор истории заключался в том, что владельцами «Чары» были люди нашего круга, московские интеллектуалы: она — дочь известного кардиолога, он — сын бывшего председателя Госкино, а после доктора наук, и сам какой-то вроде бы кандидат. И писал стихи, как о нем рассказали по телевизору. И «Чара» эта была как своего рода ПЕН-клуб, правда, с очередями на улице, но кого там только не встретишь, в этих очередях: цвет интеллигенции.

Потом, правда, самый цвет стал ходить по особым пропускам, с отдельного входа. И аз грешный тоже сподобился получить такую ксиву. Но, зуву, воспользоваться ею почти не пришлось. Финал известен. Сейчас дочь кардиолога в тюрьме, «сам» умер загадочной смертью, а поисками пропавших миллионов занимаются специально созданные комитеты бывших вкладчиков и следователи с серыми лицами.

Это — начало. Дальше меня кидали продюсеры. Это уж как водится. Сперва была фирма под названием «Команда» — ТОО или ООО, разницы до сих пор не знаю, но — офис, длинноногие девушки: «Вам чай? Кофе?» — и, конечно, президент, так он и назывался. А жена — генеральный директор. Что-то там они ходили-ходили с моим сценарием «Дом для богатых», писали какие-то письма на красивых бланках, и были какие-то деловые встречи с деловыми людьми — лечу в ресторане таком-то, даже поездка с кем-то на теплоходе. Но, видимо, кто-то в свой черед кидал моего этого президента — то ли банкиры, с которыми он обедал, то ли еще какие-то структуры, на которые он загадочно намекал, только и он в результате кинул нас с режиссером Владимиром Фокиным, укрыв у нас год, если не два. Уже и в то время «Команда» эта между делами кинематографическими тихонько содержала какую-то хлебопекарню; теперь президент наш, видимо, целиком сосредоточился на этом очень полезном и, говорят, выгодном занятии.

Потом еще кидали меня две тетеньки, как мы их называли. «Мы» — это я и мои коллеги-драматурги, привлеченные для создания неслыханной 200-серийной эпопеи «Русские женщины». Предполагалось, что эти фильмы будут создаваться силами женщин же — сценаристов и режиссеров, а я приглашен был худруком и потратил, сознаюсь, много времени и сил, а женщины-коллеги, те еще и писали какие-то сценарии — прежде чем мы поняли, что ни денег, ни соответственно видов на кинотелепродукцию у наших тетенок не было и нет. Офис с охраной, компьютеры, кофе — все это опять-таки имело место.

Следующим был известный актер, он же режиссер, разрывающийся между театром, халтурами и многочисленной семьей, которую он должен был содержать; кроме того, были две машины в двух разных гаражах, все это требовало времени, и на разговоры о моей пьесе, которую он взялся поставить у себя в театре, удалось выкроить всего минут сорок между двумя поездками. На первой же репетиции, будучи любезно приглашен, я вдруг заподозрил, что режиссер мой, он же исполнитель одной из главных ролей, то ли не дочитал пьесу, то ли не вник в ее текст за отсутствием досуга. Я неосторожно намекнул ему на это, и он обещал почитать еще разок, после того как вернется с Дальнего Востока, куда он как раз нацелился с актрисой А. на заработки. Я спросил, как же мы это все успеем, имея в виду, что премьера уже назначена, до нее два месяца, а мы еще не начинали. Но я, очевидно, отстал от темпов современной жизни, он дал мне это понять, а на другой или на третий день, чтобы избавить меня от волнений по поводу сроков, улетел во Владивосток, отказавшись от постановки, о чем сообщил мне по телефону сконфуженный директор театра. Самому директору он успел сообщить об этом также по телефону по пути в аэропорт.

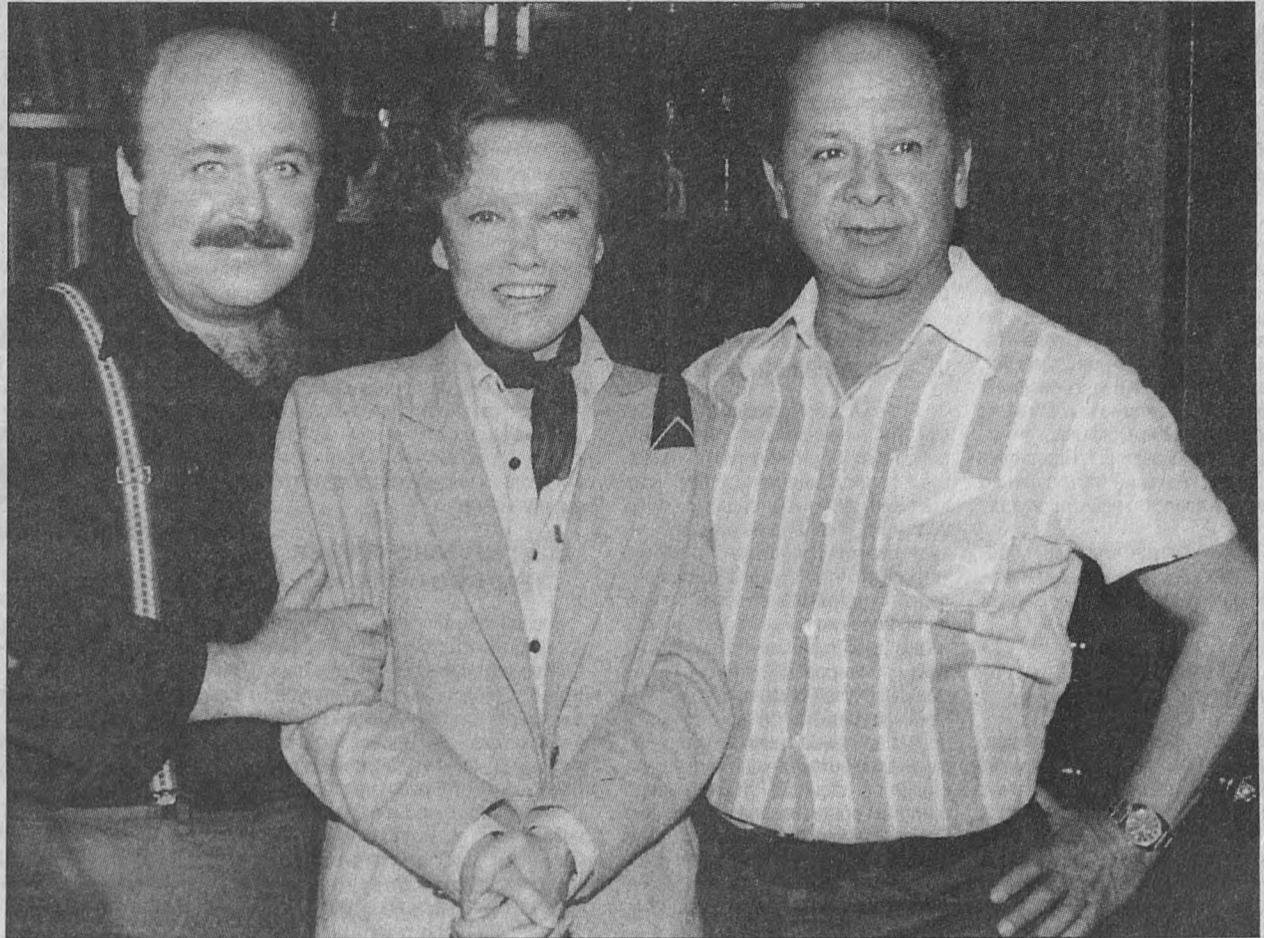
Тогда же, в минувшем году, меня наколот — вот еще одно словечко! — мой давний приятель-кинорежиссер, он же руководитель большого телевизионного проекта, симпатичный человек, член всяческих комиссий и комитетов, куда он вошел, конечно, по общественной отзывчивости, участник фестивалей и приемов, такой вот Герасимов в сегодняшнем издании, с вислыми усами, походкой вразвалочку и, конечно, с сотовым телефоном в кармане. Я имел неосторожность, как и другие, в минуту жизни трудную написать для его фирмы короткий сценарий, потребовавший, однако, сбора материала, то есть времени и усилий. И все это кануло куда-то бесследно, мне даже не отзвонили.

Недавно мой Герасимов, столкнувшись со мной на каком-то съезде или пленуме, спросил удивленно, почему я с ним перестал здороваться. Я объяснил, он — не понял. Ну да, заматался, не позвонил, извини, пожалуйста, сценарий хороший, но денег, видишь ли, нет. И он улыбался лучезарно. Он искренне — не понимал!

Завершится ли на этом мой список? Не уверен.

В «Архипелаге» у Солженицына есть замечательные рассуждения о лагерном жаргоне, проникшем в цивилизованный словарь нации. Нынче жаргонные словечки насыщают наш язык с неуследимой скоростью: все эти мерзкие «халавы» и «наезды» пишутся уже и без кавычек, и глагол «кинуть» тоже, как видим, обрел права гражданства, не требуя ни кавычек, ни расшифровки, ни тем более извинений, когда он приводится в действие.

Не оставляйте от времени. И — держите ухо востро, как советовал мне на днях приятель-литератор, узнав о переговорах с издательской фирмой. Хорошо, попробую, отвечал я, почему-то представив себе уход — и то, как я должен его навост-

Анатолий Гребнев с Александром Калягиным и Людмилой Гурченко — актерами, для которых он писал специально

рять, чтобы меня в очередной раз не кинули без кавычек.

Наши съезды...

После бурного Пятого прошел невыразительный Шестой, потом соответственно съезды Российского союза, тоже скучные, так как борьба кончилась, слова потеряли прежнюю цену — подешевели. И вот наконец-то — опять интересно: съезд в декабре 97-го, в мае 98-го, новая революция в кинематографе — уже с обратным знаком!

Нынешний съезд аплодировал тем, кого свергнул предыдущий.

Нынешний съезд душой что не улюлюкал в адрес тех, кого предыдущий возвел на пьедестал.

Тот съезд хотел демократии. Этот — сильной руки.

Тот — упразднения цензуры. Этот — ее восстановления, по крайней мере в том, что касается нравственных основ (и тут можно с ним согласиться).

И это не было голосом нового, молодого поколения, пришедшего на смену старому.

Никто никому на смену не приходил. Другие юноши, которые, как говорил поэт, поют другие песни; на съезде не появлялись. В зале были в общем-то те же люди, что и 12 лет назад, только постаревшие. И теперь они хлопотали и голосовали — наоборот. И лидером своим единодушно избрали человека, которого третировали 12 лет назад. И человек этот, до поры сидевший демонстративно на галерке, прошел через весь зал к трибуне, поднялся, оглядел притихший зал и произнес злорадным фальцетом: ну что, голубчики, доигрались? Теперь уж, так и быть, приду вами володеть. Но прежде извинитесь передо мной да просите хорошенько, а я еще подумаю.

Ладно уж, коли вы так просите. Но только, уж извините, на моих условиях, и никак не иначе. Вы даете мне неограниченные права, а я ими воспользуюсь в ваших интересах. Не верите? Как хотите. Барактайтесь в своем болоте, я вам не навязываюсь. Я и так богат и знаменит, власти вашей мне не надо. Это уж я так, из шиканта филантропии. Ну и кураж, не без того. Мстительное желание реванша. Спортивный интерес, если на то пошло!

Надо ли объяснять читателю, что человек этот — Никита Михалков — и впрямь богатый и знаменитый. Талантливый и удачливый. Актер, режиссер, бизнесмен — или, скажем по-русски, предприниматель. (Соединение русского идеалиста и западного прагматика, барина и работника, Обломова со Штольцем, Гаева с Лопахиним, чем плохо?) Вот сейчас воскликнет, как в «Вишневом саде»: «За все могу заплатить!» А

еще — как в «Утомленных солнцем» — большевик-комдив с ромбом на петлице и он же обитатель старой дворянской усадьбы, все вместе.

Обещал он подъем кинематографа, пособия старикам, поддержку молодым. Искренне обижался, когда ему не верили. Что подлаешься, хорошие побуждения у нас вечны под подозрением: а ну как за ними расчет. Нет, я думаю, все-таки был он искренен. Что ж, все логично.

Когда-то Пятый съезд замечательно предшествовал преобразованиям в стране и обществе, был их провозвестником. То есть — с нас началось.

Кто знает, не предвосхитили ли мы и теперь исторические перемены в государстве — приход, например, «третьей силы». Ведь похоже.

На этом нашем съезде, теперешнем, дружно отрекались от себя тогдашних. И я напрасно искал в многолюдье кремлевского зала наших тогдашних лидеров. Их не было.

Но попробуйте поищите сегодня днем с огнем лидеров тогдашней перестройки, чьи имена не сходили с уст. Где они все?

«Третья сила», еще непонятная, невнятная, стоит на пороге. В кепочке мэра, в босом профундо генерала, поменявшего мундир на штатский костюм от Версаче. И — добавим еще — в барской шубе Паратова. Добро пожаловать.

Оледенение культуры?

Читаю: «Жива ли еще русская интеллигенция?»; «Устала или нет наша интеллигенция?»; «Прощай, интеллигенция!»

Проблема занимает многих, в первую голову, разумеется, самих интеллигентов, которым пришло время заново осознать себя в обществе. Если, как утверждает один из авторов, интеллигенция, как чисто русский феномен, появилась в середине прошлого столетия, когда стало возможным группе творчески и критически мыслящих личностей «поддерживать свое существование, не производя рыночных продуктов», — если так, то сейчас, наверное, самое время возвестить о конце этой затнувшейся эпохи.

Грубо говоря, если ты не пишешь на продажу, то на какие шиши ты собираешься жить, кто тебя будет содержать? В этом смысле советский период, как пишет другой автор, был поистине «золотым веком российской интеллигенции. И ее же лебединой песней».

Так что же теперь? Как жить? «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать», — лукаво заметил великий наш поэт, первый, кстати сказать, в России, кто

жил литературным трудом. То-то же он оставил после себя длинный список долгов. А ну как и вовсе не продашь — не станут покупать? А к этому идет.

Прогноз у наших авторов грустный. «Интеллигенция уходит. И это очень печально. Даже трагично», — пишет доктор социологии Никита Покровский. «Последний день Помпеи». «Великое оледенение культуры наступило. Как тут поможешь мамонтам». Вот так. Ни больше ни меньше.

А ведь русская интеллигенция, продолжает автор, принадлежит всему миру. И вот его призыв: приступите немедленно к изучению «уходящей природы». Создать депозитарий, музей, многогранную программу архивации мира русской интеллигенции.

«Еще не все упущено. Но завтра уже будет поздно — фрагменты Атлантиды навсегда уйдут под воду».

Читатель моей книжки найдет в ней, пожалуй, такие же или похожие суждения. Здесь тоже — об «уходящей природе». В самый раз для «депозитария».

И все-таки, честно говоря, не верится. Не хочется верить. Наверное, в силу интеллигентского же идеализма — думаю, что русская интеллигенция жива.

Может быть, уважаемый социолог трактует проблему уж очень материалистически, выводя судьбу «группы людей» из реалий бытия, совсем по Марксу.

А ведь есть, наверное, и что-то такое, что присуще нам природно, метафизически.

И оно не исчезнет, даже если не будет востребовано.

И кто-то — что ты с ним сделаешь — будет все равно писать в стол.

Подождем.

А вот и опять кинули. На этот раз само государство, правительство, что с него взять. В один прекрасный день августа оказалось, что нет совсем денег — ни у него, ни тем более у нас. А как же с фильмами, что запущены в производство, со сценариями, которые пишутся? С книгами, да вот хоть с этой, наконец? А никак. Дело ваше. Хотите пишете, хотите нет, никто не взыщет.

Услышав такое, я сначала дрогнул, потом приуныл. Потом подумал-подумал и сказал себе: а напишу! В конце концов, кто это мудро заметил, не Шкловский ли: не написанное — не существует. Чем кому-то рассказывать, когда и почему не написали, — напишем...

Автор — кинодраматург («Июльский дождь», «Старые стены», «Дневник директора школы», «Утренний обход», «Частная жизнь», «Успех», «Время желаний», «Прохиндиада» и др.).